

ЗАКАТ ЛИБЕРАЛИЗМА (Русская версия Сергея Гессена)

Современная политическая ситуация в России делает обращение к идее либерализма актуальной благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, образовавшаяся идеологическая пустота после краха Советского Союза автоматически замещается хорошо отработанным традиционным идеологическим образцом, в качестве которого чаще всего выступает либерализм. Психологические основания такого замещения очевидны: если прошлое общественное развитие было заклеено печатью тоталитаризма и социализма, то, следовательно, теперь, с точностью до «наоборот», к светлому будущему надо идти под знаком свободы личности и либеральных установок. Интерес к либерализму в политической науке чаще всего ограничен просветительскими тенденциями (главы в учебниках политологии, переводы классиков либерализма, комментарии переводов, разъяснительные материалы и т.д.). Но в значительной степени любопытны тенденции в современной политической российской жизни – и это второе обстоятельство, благодаря которому либерализм обращает на себя внимание. Речь идет о политической практике, и именно о практике формирования политических движений и партий, которые весьма вольготно наклеивают на себя ярлык «либерального» направления и с энергией делового задора и энтузиазма, не особо вдаваясь в либеральные «дух и букву», ведут активные избирательные кампании.

Итак, дело не в хрестоматийном интересе к весьма исторически яркому политическому течению, а в специфике его проявления на российской политической почве.

В этом отношении поучительна и плодотворна версия известного русского мыслителя – Сергея Иосифовича Гессена (1887–1950), изложенная в виде публикаций конца 20-х – начала 30-х гг.

---

* *Куликов Владимир Борисович* – главный научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, доктор философских наук, профессор.

Конечно, идеям либерализма отдавали должное и анализировали такие выдающиеся русские авторы, как Б. Чичерин, П. Новгородцев, И. Покровский, Б. Струве, но точка зрения Сергея Гессена на либерализм звучит наиболее современно. Наконец, Сергей Гессен – прекрасный и признанный педагог, поэтому его версия дидактична, подробным и ясным образом преподносит суть и эволюцию либеральных идей, именно в связи с развитием теории и практики русского социализма.

Сергей Гессен прозорливо предупреждает: «...крушение коммунизма должно повести к пересмотру социалистической теории, а отнюдь не означает торжество либерализма в целом ... это показывает и несомненный для каждого беспристрастного наблюдателя факт распада либерализма, переживаемой им внутренней растерянности. Если в целом ряде стран, в том числе и России, либерализму в ближайшем будущем и предстоит еще пережить свой новый расцвет, то в масштабе мировой истории он, несомненно, вступит в полосу идейного кризиса, свидетельствующего уже о начале его заката»¹.

В данном случае эволюция либерализма тесно увязывается с эволюцией коммунистических идей, и крах последних неизбежно свидетельствует о закате самого либерализма. Временный расцвет либерализма в той же России возможен в ближайшем будущем, но, по всей видимости, это начало распада призрака либерализма. Новое политическое время одинаково чуждо как коммунизму, так и либерализму, поскольку они не в состоянии заимствовать друг у друга наиболее живые и плодотворные идеи. Более того, и либерализм, и коммунизм тесным образом сходились в понимании права как совокупности чисто отрицательных норм, которые препятствуют личностям в осуществлении их индивидуальной свободы действовать. Другим важным элементом, связывающим либерализм и коммунизм, являлся демагогический, доктринерский характер провозглашаемых принципов, не выходящих за пределы эмпирического минимума данности (эксплуатация, нищета, экономическое неравенство, классовое господство и т.д.). Теоретическая убогость обеих концепций (идеи свободы, равенства, братства) допол-

---

¹ Гессен С.И. Избранные сочинения. М., 1999. С. 169.

нялась лишь различными по степени интенсивности способами и методами осуществления этих идей на практике.

Определяющим моментом в закате либерализма, по мнению С.И. Гессена, оказалась внутренняя непоследовательность и противоречивость исходных установок, которая привела к образованию кардинально противоположных направлений в либеральном движении. К примеру, классический, или правоверный, либерализм мыслил отношение власти и личности как отношение взаимного безразличия, тогда как «новый либерализм» утверждает идею установления взаимных обязательств между государством и индивидом. Личность теперь вправе требовать от государства исполнения минимальных положительных обязательств (социальное страхование, право на труд, образование, пенсионное обеспечение и т.д.) в рамках коренных прав личности, в то время как основополагающей установкой классического либерализма была установка на невмешательство государства в частную жизнь индивида в какой бы то ни было форме. Свобода предполагала прежде всего невмешательство власти или других лиц в сферу существования отдельной личности. Теперь же государство обязано помогать отдельному гражданину, точно так же как последний берет на себя обязательства выполнения положительных действий в отношении государственных институтов и других граждан. Свобода меняет свой потенциал в новом либерализме с отрицательного на положительный.

Другой либеральный принцип – принцип равенства, который ранее означал отмену привилегий для одних социальных групп и запрещений для других групп, в новом варианте либерализма наделялся положительным содержанием. Так экономические отношения равенства или конкуренции теперь регулировались определенными со стороны государства правилами «честной игры».

Равенство детей в получении образования сводилось в новом либерализме не к требованию отмены каких-либо привилегий, но в установлении и обязательном получении некоторых обязательных, установленных государством норм и стандартов образования. Классическая идея равенства модифицируется в идею установления равных возможностей для каждого индивида со стороны государства.

Посягательство государства на право частной собственности считалось смертным грехом в классическом либерализме, но в новом либерализме государство обязано предпринимать все меры в ограничении монопольной собственности и установлении антимонопольного законодательства, создавая для всех производителей одинаковые условия в проявлении частной инициативы.

Итак, коренное изменение либеральной точки зрения на задачи государства, которые получили возрастающее общественное звучание, повлекло за собой пересмотр вопроса об участии граждан в осуществлении государственной власти. Демократизация власти, путем расширения избирательных прав, совершенствования законодательной и судебной властей, означала не противопоставление власти народа и государства, но усиление государственных гарантий и обязательств перед каждым отдельным гражданином в осуществлении его прав на достойное существование. Но именно требование достойного существования и является основополагающим для практического содержания социалистической доктрины. Следовательно, новый либерализм сделал необходимый шаг, совмещая социалистические требования с идеей правового государства, к своему собственному исчезновению.

В то же время и классический либерализм, и новый либерализм остаются в рамках общего для них основополагающего принципа – принципа правовой свободы. Именно свобода является тем критерием, который позволяет либерализму модифицировать представления о собственности, власти, праве и т.д.

Отрицательное понимание свободы, характерное для классического либерализма, несет в себе необходимый элемент положительных обязательств как со стороны государства, так и со стороны индивида. Так, право отдельного гражданина на правосудие уже свидетельствует о притязании на помощь со стороны государства и сохранении готовой и зафиксированной сферы свободы, равно как сопутствующих, «прирожденных» прав – на труд, образование и т.д. Несомненно, что новый либерализм углубил понятие свободы, характеризуя последнюю как особое, качественное состояние личности, находящееся в постоянном изменении и развитии. Сфера личных прав понимается не в своих многочисленных конкретных

формах, а в своем существе, как некое качество принципиальной «непроницаемости личности» для другого лица государства.

Таким образом, не преуменьшая значение глубоких различий между классическим и новым либерализмом, Сергей Гессен признает и убедительно доказывает развитие идеи свободы как «возможности личного творчества», посредством которого личность обретает свою индивидуальность и неповторимость.

Наряду с идеей свободы в новом варианте либерализма модифицируется понятие социального равенства. Отрицательное понимание равенства как отсутствия сословных привилегий и социальных препятствий заменяется пониманием равенства как «равноценности фактически различных между собой личностей». В практическом смысле мотив борьбы за равенство без сословных и социальных привилегий был видоизменен на позитивную программу равенства стартовых возможностей, равенство индивидуальной ценности каждого человека, органично входящего в общественное целое и занимающего в нем свое уникальное место.

В отношении такого базового понятия как собственность либеральные представления также претерпели изменения, продиктованные реальным положением дел в политике и экономике. Так отрицается все, что происходит из монопольного характера собственности. Сергей Гессен подчеркивает видимое противоречие, которое возникает при этом в плане нарушения «священного» либерального принципа незыблемости частной собственности. И хотя следует попытка интерпретировать это противоречие как возвращение к либеральному духу, к первоосновам, в том смысле, что собственность есть «материальное поприще личности», фундамент индивидуального творчества, но все же современная практика борьбы с монопольной собственностью и концентрация этих усилий в руках государства свидетельствуют о невозможности преодолеть противоречия классической догмы и реального положения дел в рамках либеральной концепции.

Исчезновение любой политической теории сопровождается появлением мифов – миф об аутентичности, миф о совершенствовании и верности традициям и т.д. Новая версия либерализма внесла свой вклад в создание мифа о совершенствовании и сохранении

духа либерализма. На примере с монопольной собственностью становится очевидным, что возвращение к справедливой конкуренции лишает собственность ее монопольного характера, возвращает личности «утраченную связь с вещью». Выдвигаются другие представления, которые в лучшем случае имеют целью привязаться к раскрученной, известной политической марке – либерализму.

Реальностью же после отрицания монопольного характера собственности становится признание чрезвычайного расширения полномочий государства, и новая версия «затухающего» либерализма именно этот шаг и делает. Конечно, можно говорить о диалектическом (в духе Гегеля) отрицании классических установок либерализма, что, собственно, и делает Сергей Гессен, но это похоже на создание очередной теоретической иллюзии. В действительности расширение деятельности государства, к примеру в ограничении монопольного характера собственности, в отношении решения задач культуры, образования, военной политики и т.д., происходит прежде всего не в связи с какими-то теоретическими и политическими принципами (например, «поднятие благосостояния народа», или «обеспечение права на труд», или «укрепление оборонной мощи» и т.д.), а в силу логики собственного экономического, политического и международного развития государства.

Что касается таких либеральных правовых установок, как «все, что не воспрещено законом, то дозволено», очевидно речь идет о коренном принципе всякого правового государства. Точно так же следует признать, что государство, даже в условиях действия данного принципа, регламентирует и предписывает гражданину определенные стандарты, нормы и установления. Конечно, при этом используется вся возможная риторика по поводу личной свободы граждан, творческой инициативы общественных организаций и т.д. для обеспечения должного уровня свободы и творчества каждой личности.

Подобные допущения нового либерализма дают повод задуматься о незыблемости либеральных ценностей как таковых. Как признается Сергей Гессен: «Конечно, в действительности иногда очень трудно бывает соблюсти меру и не переступить той грани, за которой ограждающий право минимум блага переходит в игнори-

рующее право лица благо»¹. Иначе всевозможные новолиберальные оговорки по поводу лишь «минимального» вмешательства государства в обеспечение права личности на образование, социальную защищенность, заработную плату и т.д., создание так называемых «ограждающих» условий со стороны государства для развития частной инициативы и личной свободы отнюдь не гарантируют от произвола государственной власти в соблюдении даже минимальных («ограждающих») прав и свобод личности.

Рассмотрим последний пункт различия нового либерализма от классического – проблему демократической власти. Классическая модель либерализма в этом сложном вопросе не является однозначной. Демократия, понимаемая как «выражение общей воли», непосредственно согласовывалась (например в «Декларации прав») со свободой отдельной личности, через процесс участия всех граждан в выборах представителей законодательной и исполнительной властей. Во время якобинской диктатуры этот наивный оптимизм был существенно подорван, что выразилось в последующих либеральных установках на противопоставление свободы личности и демократии как выражения «общей воли». Как показывает С. Гессен, в этом вопросе либерализм неожиданно смыкается с позицией анархизма и социализма, также полагавших «общую волю» народа в качестве метафизической фикции.

Новая версия либерализма вынуждена признать «общую волю» народа», устанавливаемую всеобщим голосованием, но не в качестве готового политического факта, конструкции, но в качестве цели и задания политического акта. «Задача всякого акта государственной власти, – подчеркивает Сергей Гессен, – и заключается в том, чтобы создавать общую волю, искать ее путем отказа отдельных общественных групп от одностороннего господства в обществе их интересов, исключая все другие. Ирреальная как предмет знания, который совершенная система избирательного права сама собой отражает, общая воля реальна как задача действия, как регулятив, или метод властвования»².

¹ Гессен С.И. Указ. соч. С. 169.

² Там же. С. 200.

Принцип демократии определяется как творческий, со стороны всех общественных групп, процесс формирования действительно общей воли.

Важное практическое следствие из этого принципа формулируется Гессеном следующим образом: «Хотя и нет совершенной системы избирательного права, как нет и готовой общей воли, но расширение избирательного права и реорганизация его в направлении представительства интересов меньшинства необходимы для того, чтобы все слои общества принимали участие в законодательстве»¹. Следовательно, демократия как «самодержавие народа» не может рассматриваться в качестве политической догмы, а расширение избирательного права есть всего лишь средство для выражения «качества права».

Поскольку «общая воля» народа не может быть установленным, реальным фактом, но существует в качестве цели и задания для многочисленных общественных групп, значит все они участвуют в творении «общей воли», без права единолично выражать данную волю. Поэтому диктатура одной общественной группы или класса принципиально исключается, и всякая власть лишь потому власть, что она ограничена неким всеобщим компромиссом. На место «суверенитета народа» («самодержавия народа»), который не может состояться, так как нет факта общей воли, а есть подчинение интересов одной группы или класса над другими, выдаваемое за «общую волю», должен заступить «суверенитет права», которому и подотчетна созидаящая власть.

Демократия, по мнению Гессена, менее всего выражает властвование или самодержавие народа – «она есть принципиальное отрицание того, что никто не является обладателем абсолютной истины как воли народа, но что последняя есть только предмет общего искания, к процессу которого должны быть приобщены поэтому возможно более широкие круги народа»².

Соответственно и роль государственной власти существенно изменяется согласно вышеизложенным представлениям.

---

¹ Гессен С.И. С. 201.

² Там же. С. 202.

Если роль государства до сих пор сводилась к своеобразному арбитражу между гражданами, то для нового либерализма государство уже не опускается до отдельного гражданина, но имеет дело с организованными группами экономического, политического или иного толка. Задача государства состоит в концентрации усилий всех общественных групп по созданию «общей воли» в поиске компромисса между различными общественными интересами в рамках правового поля.

Итак, после всех попыток доказать, что новый либерализм есть продолжение и углубление фундаментальных либеральных принципов на некотором новом уровне развития общественной жизни, возникает вопрос о действительном вкладе нового либерализма в идею правового государства и о том, в состоянии ли этот новый уровень понимания разрешить проблемы общественного развития с учетом всего спектра изменившихся жизненных условий. Ответ на поставленный вопрос Сергей Гессен, до сих пор выступавший адептом нового дыхания либерализма, неожиданно помещает в отрицательную плоскость.

Во-первых, практические требования», столь важные для любого политического движения, не осуществлены и не намерены осуществляться в политической деятельности. Во-вторых, новолиберальные тенденции не подвергались подлинно критическому рассмотрению, которое со времен Канта понимается как установление границ основаниям критикуемого явления. Эти пределы устанавливаются самим положением дел и той критикой, которую предпринимает социалистическая концепция против либерализма и эклектичности содержания и предрассудков отжившей теории.

«Продуманный до конца» либерализм движется к выводам, составляющим «реальное содержание большинства программ современных социалистических партий»¹. Такова перспектива, видимая С.И. Гессеном.

Преодоление границ осуществляется новым либерализмом, прежде всего, в фундаментальной проблеме собственности, решаемой в практическом плане половинчато. Современная либеральная

---

¹ Гессен С.И. С. 205.

трактовка исходит из отрицания монопольной собственности и вместе с тем принципиально отрицает возможность дальнейшего процесса «социализации» собственности. Хотя именно собственность, оставаясь частной, в современный период несет на себе функцию общественного, социализированного хозяйства. Ценность частной собственности все более определяется рамками общественного хозяйства в целом. Исход либерализма за свои собственные пределы заключается в признании обобществления монопольной и земельной собственности и тем самым усилении государственного участия в этом процессе.

«Половинчатость нового либерализма и его ограниченность в том, – утверждает С. Гессен, – что он не освободился в полной мере от следов механической концепции общества», по-прежнему базируясь на связи собственности с идеей конкуренции¹. Общественный элемент составляет в действительности стержневую основу частной собственности, поэтому бессмысленно противодействовать правовому «опутыванию» частой собственности как таковой. С. Гессен называет такую акцию «методом правовой социализации» собственности.

Другой ограниченностью либерализма является «недостаточное признание им реальности коллективных лиц»². Процесс социального расслоения общества идет параллельно с процессом социальной консолидации. Эти взаимосвязанные процессы не укладываются ни в либеральную, ни в социалистическую модель. Появляются такие общественные образования или союзы, которые объединяют не механическую сумму граждан, а несут на себе консолидирующую общественную миссию. Университеты, просветительские ассоциации, церкви различных исповеданий выступают в качестве обобщенных личностей, единых не схожестью интересов или одинаковым видением мира, а единых «общностью служения» объективной задаче, общностью миссии, функции сверхличного порядка. Общество консолидируется в форме так называемых «коллективных личностей», отличающихся различной степенью

---

¹ Гессен С.И. С. 212.

² Там же. С. 214.

свободы. До сих пор существовавшие механически скрепленные союзы уступают место союзам-общностям, коллективным личностям, объединенным сверхличной идеей, общественной ценностью.

Поскольку имя такому общественному образованию еще не придумано ни одной из существующих концепций (либеральной, социалистической и т.д.), то Гессен предлагает назвать указанные представления «гильдейским социализмом». Гильдия – средневековое, прежде всего хозяйственное, образование – изображается в качестве подлинной «коллективной личности», целостного союза общностей – своеобразный прототип возникающих общественных образований нового типа.

«Ограниченность нового либерализма, – заключает С.И. Гессен, – не в том, что он продолжает защищать унаследованный им от своего предшественника индивидуализм, а в том, что он понимает этот последний слишком узко, не решаясь распространить его и на выросшие до степени коллективных личностей союзы»¹.

Само сочетание «коллективное» и «личность» предполагает достижение определенной степени творчества, когда можно говорить об индивидуальном характере «коллективного лица». Но наиболее важным правовым компонентом является отношение к собственности. То, что новый либерализм не хочет признать собственность коллективных лиц (или коллективную собственность), представляется Сергею Гессену необходимым правовым аргументом в пользу существования коллективной личности – общности, преодолевающей противоречия либерализма и социализма и открывающей новые горизонты индивидуализации.

С другой стороны, объективно происходит обобществление или социализация самой собственности», что неизбежно сопряжено с естественным перераспределением собственности.

Разнообразные формы коллективизации преимущественно охватят собственность, связанную со сферой потребления и с высокотехнологическими отраслями промышленности. Правовые рамки протекания этого процесса обязана обеспечить государственная власть.

---

¹ Гессен С.И. С. 216.

Очевидно, что либерализм, основываясь на механистической концепции общества, не желает признавать изменившиеся общественные условия и остается в рамках демагогических представлений. В особенности это отставание проявляется во взглядах на политику.

«Ограниченность нового либерализма, – отмечает Сергей Гессен, – существенным образом заключается в том, что политическую форму государственной власти он слишком еще мыслит в терминах либеральной механистической теории общества»¹. Хотя демократия уже не воспринимается им как готовая «общая воля», эквивалентная прирожденным естественным правам человека, а скорее как процесс созидания, творения «общей воли» общественными группами и обществом в целом. Однако новейшая либеральная ограниченность продолжает проявляться в том, что демократия сводится к чисто количественному расширению избирательной массы, и, соответственно, их интересы механически суммируются. Поэтому столь разительно отличие между либеральным, демократическим пафосом и реальной избирательной практикой, ведущей к господству партийных комитетов над голосами избирателей, точнее, к господству «меньшинства народа». Выявление общих интересов путем голосования некоторой количественной массой избирателей изжило себя и не отражает реальной политической атмосферы в обществе. Носителями общих интересов, по мысли Сергея Гессена, становятся союзы-общности, носители реальных культурных и хозяйственных ценностей: «Избирательное право должно быть поэтому распространено и на эти коллективные лица, и мы, по-видимому, вступаем в эпоху борьбы коллективных лиц за избирательное право, за признание преследуемых ими интересов в процессе сложения «общей доли» народа»². Разумеется, основная трудность в критериях отличия подлинного от механического союза-агрегата, но не менее важным является сочетание в избирательном праве личного представительства, которое есть, по преимуществу, представительство интересов потребителей, и коллективных лиц, преимущественно представляющих «реальные интересы»

---

¹ Гессен С.И. С. 220.

² Там же. С. 222.

производства. Идея Сергея Гессена о возможности соединения «личного» и «реального» представительства в форме двухпалатного парламента кажется весьма актуальной для современной политической практики.

Практика всеобщего личного избирательного права оправдывала себя именно тем, что избирались, как правило, компетентные кандидаты, носители «объективного интереса», но столь же распространена до сих пор и практика попадания во власть людей случайных и некомпетентных. Все же основная угроза системе личного представительства грядет со стороны усиления роли партийных организаций в избирательном процессе, которые порождают в представительской власти огромный бюрократический слой, поглощающий саму демократию.

Сохранение демократии соотносится, по мнению Сергея Гессена, не с либеральной схемой «общественного договора» и не с консервативной схемой общества как «организма», но с представлением общества в качестве «средневекового собора», объединяющего творческий труд различных коллективных лиц – общностей, имеющих свое уникальное, индивидуальное место. Поэтому развитие демократии связано с распространением избирательного права на коллективные личности как единственных выразителей объективных культурных и экономических интересов в самом обществе. Господство «объективности», т.е. объективных интересов, и есть фактор повышения компетентности демократии, фактор участия в принятии решений всех общественных групп, представляющих интересы производства и культуры. При этом личность и ее свобода являются безусловным фундаментом всякой демократии. Следовательно, проблема состоит в соединении общности (коллективного лица) и личности (индивидуального лица), в сочетании объективности целого со свободой отдельного, индивидуального, входящего в это целое человека.

Ограниченность либерализма и необходимость преодоления его рамок, наконец, связаны с решением проблемы эксплуатации, а в широком смысле – характера человеческого труда в современном обществе.

Либерализм обращает преимущественное внимание на обеспечение прав личности на достойное существование, развитие пра-

вовой свободы, равенства, правоохранительной деятельности. Но остается без внимания другой аспект человеческого труда, который постепенно усиливается, по мере решения вопросов минимального благополучия и его правового обеспечения.

Сергей Гессен имеет в виду тенденцию обезличивания человека в процессе товарного производства. Результатом этого процесса является превращение человека в подобие вещи. Отождествление живого труда с безжизненным товаром выражается в безучастности рабочего к процессу производства. Условия труда определяются даже не субъективными желаниями предпринимателя, а обстоятельствами рынка.

«Дух капитализма» заключается в неопределенности конечной цели производства, которое ориентировано не на потребителя, а на «неопределенный рынок», на процесс бесконечного накопления и наживы: «Обезличение человека есть обратная сторона господства безличного товара ради самого товара, скорее предупреждая потребности, чем удовлетворяя их. Иначе говоря, оно есть следствие ложного экономизма жизни: хозяйство, забыв свою служебную роль в культуре, свое подчиненное положение в иерархии культурных ценностей, объявляет себя в капитализме самоцелью»¹. Человеческий труд вовлечен в бездушную круговую гонку безличного производства и наживы.

Принципиальным недостатком либерализма является его отказ от борьбы с «духом капитализма», поскольку борьба с «гегемонией хозяйства в общественной жизни» усилила бы роль государства в управлении всей хозяйственной деятельности. Впрочем, на практике, занимаясь вопросами охраны труда, тарифных соглашений, трудовых договоров, защитой прав потребителя и т.д., либералы вынуждены противоборствовать бездуховности хозяйственной доминанты.

Весьма актуальным звучит положение Сергея Гессена об ориентации современного производства на потребителя и начале эпохи так называемого «потребительского хозяйства», в котором роль труда, безусловно, в корне изменится. «Социализация» собст-

---

¹ Гессен С.И. С. 228.

венности с неизбежностью ведет к метаморфозе «хозяйственной жизни в направлении потребительского хозяйства», занятию им соответствующего места в иерархии ценностей культуры. Победа, в конечном счете, над «духом капитализма» предполагает замену психологии наживы и стяжания на психологию исполняющего гражданский долг индивида, усиление творческого начала в труде и подчинение вещи реальной общественной потребности как носителя высших культурных ценностей.

Одновременно с процессом «индивидуализирующей социализации» в сторону «потребительского хозяйства» идет обратный процесс «освобождения вещей». Для Сергея Гессена этот процесс означает «одухотворение вещей» и превращение рабочего труда в творческий акт, а самого рабочего – в активного и заинтересованного участника производства.

Означает ли вышеописанная версия возврат к средневековью и преодоление психологии собственника в направлении религиозного обновления души? Почему нет, если, как показал Макс Вебер, дух капитализма происходит из духа пуританской этики, следовательно, проникновение и достижение религиозных оснований в преодолении закрепощения современного человека вполне возможно.

Основным же средством разрабатываемой Сергеем Гессеном версии является не упование на религиозное движение, а опора на всемогущество права. Именно право «способно обуздать хозяйство, поставить его на надлежащее место в культуре и расчистить почву для новой «органической» эпохи, в которой господствовали бы «объективные начала»¹.

Потенциал скрытых в праве идей свободы, личности, собственности, равенства только поверхностно был затронут в либерализме. Не отрицая исторических заслуг либерализма, следует видеть его половинчатость, приверженность механической концепции общества, нерешительность в своих выводах, историческую ограниченность и в конечном счете закат. Уход либерализма частный, наиболее яркий случай ухода из современной политической реальности других «измов» – социализма, консерватизма и т.д.

---

¹ Гессен С.И. С. 232.

Версия общественного обновления Сергея Гессена признает не появление очередного «изма», а восстановление подлинной иерархии человеческих ценностей. Это господство истинных проявлений; свободы – как растущей силы творческой активности; личности – как движения к сверхличным, объективным началам жизни; равенства – как равноценности незаменимых в своем различии личностей; собственности – как служения общности¹.

---

¹ Гессен С.И. С. 232-233.